

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛИЯХ

1. Определение понятия «универсалии». Современный период развития мирового языкознания характеризуется повышенным интересом к проблеме универсалий. Толкование языковых универсалий имеет, однако, двойственный характер. Прежде всего, в понятие универсалий включаются так называемые абсолютные универсалии типа: «Во всех языках есть гласные и согласные», «Каждый человеческий язык имеет имена собственные», «Любой язык имеет дейктические элементы» и т. д. Вместе с тем наблюдается стремление подвести под понятие универсалий и такие явления, которые фактически не обладают признаком всеобщей, абсолютной распространенности. По мнению авторов «Меморандума о языковых универсалиях», «представляется важным включить в понятие универсалий такие общие законы или тенденции, которые осуществляются с высокой степенью вероятности для разных языков или одного языка в процессе его существования во времени»¹. Эти так называемые диахронические универсалии имеют вероятностный характер. Такой же вероятностный характер имеют и некоторые структурные корреляции, например: «С вероятностью, большей, чем случайная, можно ожидать, что в языках с доминирующим порядком VSO прилагательное стоит после существительного»².

Учитывая все это, Б. А. Успенский дает следующее определение понятия «универсалии»: «Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства»³. Нетрудно заметить, что это определение содержит известное противоречие, поскольку оно распространяется одновременно на явления универсальные и неуниверсальные. Здесь смешиваются два разных типа явлений, объединяемых под одним термином «универсалии». Противоречивость самого определения универсалий, в котором фактически смешиваются понятия нетипологические, иногда — лингво-логические (понятийные категории) и понятия типологические (лингвистические универсалии), является причиной того, что до сих пор продолжают производиться попытки определить их сущность.

Руководствуясь общим критерием универсальной распространенности явления⁴, некоторые лингвисты универсалиями считают такие общие признаки языка, как категории предложения и члена предложения, те или иные определенные способы связи слов в предложении (либо согласование,

¹ Дж. Гринберг, Ч. Огуд, Дж. Дженкинс, Меморандум о языковых универсалиях, «Новое в лингвистике», V, М., 1970, стр. 35 (далее — НЛ, V).

² Дж. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов, там же, стр. 128.

³ Б. А. Успенский, Проблема универсалий в языкознании, там же, стр. 10.

⁴ См. определение лингвистических универсалий, содержащееся в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966, стр. 485): «Языковые явления (свойства, характеристики), обнаруживаемые во всех языках, свойственные всем языкам».

либо примыкание и т. д.)⁵. К универсалиям причисляются семантические в своей основе «понятийные категории», причем «к семантическим категориям этого плана» оказываются отнесены «категория деятеля (агенса), воздействия (фактитивности), объекта воздействия и орудийности, категория объекта владения, ... категория перемещения в пространстве...»⁶. Кроме семантических категорий среди универсальных категорий выделяются «еще содержательные категории, обусловленные внутренними закономерностями выражения внеязыкового содержания в формах языка. К таким категориям относятся, например, категория субстанции, местоименности, подлежащего и прямого объекта и др.»⁷. По мнению А. В. Бондарко, «в семантическом содержании вида и способов действия... находят отражение такие признаки, которые не являются специфическими только для славянских языков. Таковы признаки длительности, процессности, повторяемости или неповторяемости; ср. также такие признаки в области способов действия, как результативность, начинательность, ограничение длительности...»⁸. В подобного рода определениях универсалий намечается явная тенденция освободить термин «универсалии» от противоречий и включить в число универсалий только явления, имеющие всеобщее распространение.

М. М. Гухман считает целесообразным выделять, помимо понятийно-содержательных универсалий, структурно-формальные универсалии, а также «универсалии по разным показателям» («В этих условиях под универсалиями понимается относительно устойчивая связь определенного набора признаков, свойственного одной значительной группе языков в отличие от другой группы»)⁹.

Универсалиями иногда называют общие, или универсальные, пути возникновения тех или иных языковых явлений. Например, К. Е. Майтинская разделение первоначально общей категории слов на назывательные и указательные рассматривает как универсальный путь развития местоименных слов¹⁰.

На первый взгляд может показаться, что включение в разряд универсалий семантических понятийных категорий способствует устранению противоречивости в определении универсалий. В действительности оно вносит новые осложнения из-за стремления отождествить «универсалии» с «универсальностью», хотя понятие «универсалии» должно иметь свой объем и свою специфику. Подобному же отождествлению способствует и введение термина «абсолютные универсалии».

Между тем представляется возможным определить принцип разграничения универсальных явлений и лингвистических универсалий. Если отвлечься от тривиальностей, именуемых абсолютными лингвистическими универсалиями, которые фактически представляют общие свойства языков, то легко можно заметить, что многие другие типы универсалий связаны с наличием в различных языках мира изоморфных черт, единообразных признаков или одинаковых по своей сущности процессов, дающих одинаковые результаты. Например: «С вероятностью, гораздо большей,

⁵ См., например: Н. В. Солнцева, В. М. Солнцев, Универсальность и не-универсальность синтаксических категорий и средств, «Универсалии и их место в типологических исследованиях. Мецаниновские чтения 1971 г. Тезисы докладов», М., 1971, стр. 13, 14.

⁶ С. Д. Кацнельсон, Об универсальных категориях в грамматике, там же, стр. 9, 10.

⁷ Там же, стр. 10.

⁸ А. В. Бондарко, Универсальные и неуниверсальные функции в грамматике, там же, стр. 7—8.

⁹ М. М. Гухман, Универсалии и типологические исследования, там же, стр. 6.

¹⁰ К. Е. Майтинская, Местоимения и универсалии, там же, стр. 15.

чем случайная, языки с нормальным порядком SOV имеют послелог»¹¹, или: в самых разных языках наблюдается «тенденция к озвончению глухой согласной в позиции между гласными»¹².

В связи с этим возникает вопрос, что следует понимать под языковым единообразием. Возьмем снова универсалию: «С вероятностью, гораздо большей, чем случайная, языки с нормальным порядком SOV имеют послелог». Языковое единообразие здесь выражается в наличии закономерной имплицативной связи таких языковых признаков, как порядок расположения в предложении субъекта и объекта действия и глагола, выражающего само действие, а также послелогов. Исследователя интересует в данном случае не вопрос о том, как выражается в языке, скажем, понятийная категория объекта действия, а внутрисистемные связи этой категории с другими языковыми явлениями. Точно так же следует рассматривать и другую универсалию: «В самых разных языках наблюдается тенденция к озвончению глухой согласной в позиции между гласными». Языковое единообразие здесь выражается не только в тождестве условий процесса и его характера, но и в закономерном появлении звонкого согласного.

Из этого можно сделать вывод, что основу лингвистической универсалии составляет единообразие языкового, а не понятийного признака. Исследование проявлений семантической понятийной категории в различных языках обычно имеет своим результатом не обнаружение единообразия ее выражения, а наоборот, констатацию значительных различий в этом плане.

Учитывая тесную связь лингвистической универсалии с явлениями изоморфизма в различных языках, с единообразием языкового выражения, можно установить также другое, очень важное свойство универсалии. Универсалия этого рода никогда не будет абсолютной, поскольку различные процессы, совершающиеся в языковой сфере, всегда накладывают определенные ограничения, затрудняющие возможность ее абсолютного распространения. К ней гораздо более применим термин «фреквенталия», т. е. явление высокой степени частотности, а не универсалия в подлинном значении этого слова. Любая лингвистическая универсалия имеет исключения.

Исходя из этих соображений, мы считаем возможным дать более точное определение лингвистической универсалии. Языковая универсалия — это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных корреляций языковых элементов или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира. Принцип единообразия должен распространяться и на семантические универсалии (например, связь названия «устье реки» со словом «рот», наблюдаемая во многих языках). Все явления, обладающие признаком всеобщности и абсолютности распространения, в том числе и универсальные «понятийные категории», при таком определении исключаются из числа универсалий. Лингвистические универсалии должны изучаться как явления особого рода.

2. Из истории изучения универсалий. Признается, что «проблема универсалий, как и гипотетические предположения об универсальности тех или иных явлений в языке, отнюдь не может считаться достижением

¹¹ Дж. Гринберг, указ. соч., стр. 121.

¹² Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс, указ. соч., стр. 41.

лингвистики нашего времени; заслуга современной лингвистики скорее в том, что она — едва ли не впервые в истории языкознания — обратила внимание на методическую и методологическую сторону исследования универсальных явлений в языках мира»¹³.

Вместе с тем при изложении истории этого вопроса явно сквозит тенденция представить дело таким образом, будто подлинно научная разработка проблемы универсалий связана с появлением структурализма. Высказывается мнение, что прежде в большинстве случаев представления об универсальности определенных явлений в языках «...были либо малоинформативными (относясь к универсальности методов описания разных языков, а не к универсальной распространенности языковых явлений), либо просто неверными.... Подобные „мифологические“ универсалии выдвигались на разных этапах эволюции языкознания... (сюда относятся, например: утверждение о том, что грамматический строй или элементы грамматики не могут заимствоваться из другого языка; представление об определенной связи генеалогической и традиционной морфологической классификации языков; утверждение о том, что необходимым условием для усвоения чужеродного звука в заимствованных словах является наличие „пустой клетки“ в системе заимствующего языка; упрощенное представление о единстве глоттогонического процесса, и т. д., и т. п.)»¹⁴.

В свою очередь Р. О. Якобсон так характеризует вкратце историю исследований в области типологии: «Непродуманные и скороспелые рассуждения по поводу языкового родства скоро уступили место первым исследованиям и достижениям сравнительно-исторического метода, тогда как вопросы типологии на долгое время сохранили умозрительный, донаучный характер»¹⁵.

Подобные оценки по меньшей мере необъективны. Языковедам прошлого было не чуждо понятие типичного, они имели представление об универсалиях и широко применяли их в своих научных исследованиях, хотя и не пользовались самим термином «универсалии». В отличие от современных теоретиков универсалий, они не устанавливали абстрактных универсалий, хорошо понимая, что тривиальности типа «во всяком языке есть гласные и согласные» ровным счетом ничего не дают. Что же касается диахронических и некоторых импликационных универсалий, то практически они им были известны.

Г. Хёнигсвальд совершенно правильно отмечает, что «идеи младограмматиков об общих (то есть универсальных) закономерностях языковых изменений опирались на самые тщательные исследования. Младограмматиков с первого взгляда гораздо труднее обвинить в глоттоцентризме, поэтому многие из этих идей живы и поныне. Любой труд по историческому языкознанию содержит детально разработанные формулировки общих законов языковых изменений»¹⁶.

Первым импульсом, возбуждившим поиски лингвистических универсалий, была идея, отождествлявшая человеческий язык с живым организмом. Сторонник этих идей А. Шлейхер, подчеркивая, что «существо человека в его основных проявлениях повсюду одно и то же», делал заключение: «Поскольку органы речи у всех людей в сущности одинаковы, то и производимые ими звуки во всех языках одинаковы», и далее: «Все индоевропейские языки, а также неиндоевропейские, переживают сход-

¹³ Б. А. Успенский, указ. соч., стр. 5.

¹⁴ Там же, стр. 5—6.

¹⁵ Р. Якобсон, Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание, НЛ, III, М., 1963, стр. 96.

¹⁶ Г. Хёнигсвальд, Существуют ли универсалии языковых изменений НЛ, V, стр. 78.

ный путь изменения не только в общих линиях, но и в частностях»¹⁷. В специальном исследовании о так называемом зетацизме Шлейхер прослеживал исторические судьбы различных согласных в положении перед *j* (также перед *e* и *i*) в различных индоевропейских и неиндоевропейских языках, всюду отмечая сходные результаты, например превращение предшествующих согласных в аффрикаты. По существу эта работа представляла собой исследование диахронической универсалии. Зетацизм, как и все звуковые законы, Шлейхер объяснял сходным устройством проносительных речевых органов у разных народов¹⁸.

Эта идея была подхвачена многими лингвистами. Г. Курциус вслед за Шлейхером утверждал, что в истории звуков наиболее наглядным образом обнаруживаются устойчивые законы, проявляющиеся с такой же последовательностью, как и законы природы¹⁹. Ф. Е. Корш подчеркивал, что в «фонетике есть общие всем языкам законы, которые вызывают одинаковые явления помимо всякого родства и предания», а в области синтаксиса «законы, так сказать, физиологические отступают назад перед общими всем народам законами психическими. Одинаковые потребности духа вызывают и одинаковые явления: мышление, воля, чувство, ищут для себя выражения во всех языках без различия и создают соответственные роды предложений»²⁰. П. Пасси также полагал, что изменения в языках не совершаются случайно, но следуют определенным законам, которые хотя и обнаруживают вариации в различных языках и в различных странах, но в целом являются удивительно устойчивыми²¹; в работе П. Пасси приводилось множество примеров, иллюстрирующих это положение. По мнению А. Мартине, П. Пасси дал самое ясное изложение функциональной теории фонетических изменений²². Наличие общих формул языковых изменений признавали также А. Мейе, Ж. Вандриес, А. Доза, Р. де ла Грассери²³ и многие другие лингвисты. Об одной из книг, издание которой явилось большим событием в языкознании своего времени, Г. Хёнигсвальд замечает: «Классическая работа Граммона „*Traité de phonétique*“ (в которой, между прочим, можно видеть предвосхищение многих структурных работ) посвящена именно универсальным законам звуковых изменений»²⁴.

В работах А. Шлейхера, Г. Курциуса, М. Граммона, А. Доза, А. Мейе, Ж. Вандриеса, Р. де ла Грассери, Р. Готье, Ф. Е. Корша, М. М. Покровского, О. Есперсена и др. можно найти большое количество примеров, иллюстрирующих различные диахронические универсалии: гласные неударных слогов стремятся к ослаблению; в интервокальном положении смычные часто превращаются в фрикативные; согласные в конце слова оглушаются; велярное *l* часто изменяется в *u* или *ɥ* (П. Пасси); конец слова во многих языках подвержен разрушению (Г. Готье); аспирированные смычные исторически являются неустойчивыми; гласные под ударением стремятся к дифтонгизации; интервокальная позиция может вызы-

¹⁷ A. Schleicher, Sprachvergleichende Untersuchungen. I. — Zur vergleichenden Sprachgeschichte, Bonn, 1848, стр. 3, 34, 26.

¹⁸ A. Schleicher, указ. соч., стр. 119.

¹⁹ G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, Leipzig, 1869, стр. 81.

²⁰ Ф. Корш, Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877, стр. 10, 5.

²¹ P. Passy, Étude sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux, Paris, 1891, стр. 8.

²² А. Мартине, Принципы экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 64.

²³ А. Мейе, Сравнительный метод в истории языков, М., 1954, стр. 74—75; Ж. Вандриес, Язык, М., 1937, стр. 66; A. Dautat, La vie du langage, Paris, 1922, стр. 60; R. de la Grasserie, Essai de phonétique générale, Paris, 1890, стр. 2.

²⁴ Г. Хёнигсвальд, указ. соч., стр. 79.

вать озвончение согласных (М. Граммон); *s* часто превращается в *h*, но не наоборот; придыхательные обнаруживают тенденцию к превращению в спиранты (Ж. Вандриес); перфект часто превращается в простой претерит (А. Мейе); при сравнении часто употребляются аблативные конструкции (Ф. Е. Корш); причастие настоящего времени действительного залога часто превращается в *poen agentis* (М. М. Покровский); слова со сходным значением имеют сходную семантическую историю, и т. д. Это были не «мифологические», а действительно универсалии, не утратившие своей познавательной ценности и в настоящее время.

Следует также отметить, что все сколько-нибудь значительные открытия в индоевропеистике фактически основывались на использовании диахронических универсалий. Долгое время предполагали, что в индоевропейском было только три гласных — *a*, *i* и *u*, и только наблюдение над поведением *k* перед гласным *a* в санскрите, выступающего в разных словах то в виде *ċ*, то в виде *k*, при сравнении с соответствующими словами других индоевропейских языков навело на мысль, что *ċ* могло возникнуть в положении перед *e*, некогда существовавшим в санскрите. Можно ли было установить это, не зная, что *k* перед *e* может превратиться в *ċ*? К. Вернер не смог бы сформулировать своего закона, если бы он не знал тенденции к озвончению интервокальных смычных. Нарушение этой универсалии в таких словах, как готск. *broþar* «брат», заставило К. Вернера искать причину аномалии, которой оказалось наличие ударения на предшествующем гласном — именно это воспрепятствовало озвончению интервокального согласного (ср. др.-инд. *bhrāta*).

Не чуждо было компаративистам и понятие импликационных универсалий. Уже первые попытки морфологической классификации языков содержали импликации типа: «Если язык является корнеизолирующим, то в нем нет морфологически оформленных частей речи». Китаисты давно заметили зависимость в китайском языке между небольшим количеством типов слогов и развитием тонов как средства дифференциации слогов (в современном китайском национальном языке имеется 414 разных слогов, а с учетом тонов 1324). П. Пасси установил взаимосвязь между долготой гласного и его закрытостью, между тем как краткие гласные чаще всего бывают открытыми²⁵. Г. Свит связывал сопротивление английского языка сандхи с краткостью английских слов²⁶. Г. Ципф подметил зависимость между количеством аффиксов и количеством различных глагольных корней²⁷, а Ж. Вандриес — зависимость между количеством аффиксов и развитием чередования гласных²⁸. В. Шмидт сообщил о закономерной связи постпозиции родительного падежа с наличием в языке префиксов и предлогов²⁹. Все эти замечания можно было бы облечь в формулы, выражающие импликационные универсалии, например: «Если язык обладает небольшим количеством типов слогов, то в нем часто развиваются тоны» (как средство увеличения смысловозначительных возможностей языка), «Если в языке обычны короткие слова, то в нем нет сандхи» и т. п.

Можно быть несогласным с теорией стадияльного развития языков, разрабатывавшейся в свое время Н. Я. Марром и его школой, но нельзя не признать, что поиски реликтов стадий в разных языках, особенно в области синтаксиса, фактически представляли собой поиски универсалий (работы И. И. Мещанинова).

²⁵ P. P a s s y, указ соч., стр. 132.

²⁶ H. S w e e t, The sounds of English, Oxford, 1929, стр. 59.

²⁷ G. K. Z i p f, The psycho-biology of language, Boston, 1935, стр. 382.

²⁸ Ж. В а н д р и е с, указ. соч., стр. 83.

²⁹ W. S c h m i d t, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Heidelberg, 1926, стр. 382.

Таким образом, поиски универсалий в современном языкознании исторически продолжают линию, начатую А. Шлейхером, и современные теории универсалий начали свою деятельность отнюдь не на пустом месте. Отмечая, в частности, что «...синтагматический аспект языка являет собой сложную иерархию непосредственных и опосредствованных составляющих, точно так же и аранжировка элементов в парадигматическом аспекте характеризуется сложной многоступенчатой стратификацией», Р. О. Якобсон заявляет далее: «Типологическое сравнение различных языковых систем должно учитывать эту иерархию. Любой произвол, любое отклонение от данного и реально прослеживаемого порядка делает типологическую классификацию бесплодной»³⁰. Тем не менее в формулируемых современными исследователями универсалиях такого учета нет.

Многие универсалии, предлагаемые Дж. Гринбергом, представляют характеристики некоторых явлений, практически давно известных лингвистам. «Насколько мне известно, — замечает Р. О. Якобсон, — нет ни одного языка, где бы к паре /t/ — /d/ добавлялся звонкий придыхательный /dʰ/, но отсутствовало бы его глухое соответствие /tʰ/, в то время как /t/, /d/ и /tʰ/ часто встречаются без сравнительно редкого /dʰ/ ... следовательно, теории, оперирующие тремя фонемами /t/, /d/, /dʰ/ в протоиндоевропейском языке, должны пересмотреть вопрос об их фонематической сущности»³¹. В этой рекомендации по существу нет ничего нового. Стремление к распространению специфической артикуляции на ряд звуков и к созданию симметрии по принципу звонкости — глухости было хорошо известно компаративистам (ср., например, гипотезу о трех рядах гуттуральных в индоевропейском праязыке).

3. О природе универсалий. Существование в языках мира одинаковых или сходных явлений свидетельствует о том, что в самих языках существуют факторы, способствующие возникновению подобных явлений. Например, универсалия: «Если язык исключительно суффиксальный, то это язык с послелогоми; если язык исключительно префиксальный, то это язык с предлогами»³² может быть объяснена особенностями морфологического строя языков. Послелог в агглютинативных языках обычно возникает на основе сочетания двух имен существительных, например «гора + верх» > «гора на» = «на горе». Наименование же целого в языках этого типа всегда предшествует названию его части, поэтому слова, используемые для обозначения локальных отношений, не могут выступать в роли префиксов. В языках исключительно префиксальных употребление послелогов явилось бы нарушением определенного языкового режима, выражающегося в обязательной препозиции всех служебных слов или элементов, в той или иной мере уточняющих значение корней слов.

Универсалия: «...нейтрализация имеет место обычно в конечной позиции и никогда — в интервокальной позиции»³³ объясняется тем, что внутри слова могут действовать условия, препятствующие нейтрализации, например оглушению согласных. Кроме того, начало слова всегда несет большую информацию, поэтому оно значительно реже подвергается фонетическим изменениям, чем конец слова. Известное наблюдение о возможности перехода фонемы *s* в фонему *h* (но не наоборот) допускает следующее объяснение: *h* совершенно утрачивает все точки опоры для обратного перехода в *s*, чего при известных условиях не происходит с *s*. Наблюдающееся

³⁰ Р. О. Якобсон, указ. соч., стр. 98.

³¹ Там же, стр. 103.

³² Дж. Гринберг, указ. соч., стр. 137.

³³ Ч. Фергусон, Допущения относительно носовых: к вопросу о фонологических универсалиях, НЛД, V, стр. 107.

в истории многих языков мира озвончение интервокальных смычных согласных объясняется ассимиляторным воздействием окружающих гласных и стремлением к облегчению произношения путем ослабления смычки. Словом, каждая универсалия имеет языковую причину, объясняющую ее существование.

Современные теоретики универсалий видят в обнаруженных универсалиях подтверждение тезису: «Несмотря на существование бесконечного множества различий, все языки построены по одной и той же модели»³⁴. При этом как на основоположника этой идеи ссылаются на Р. Бэкона, который писал: «Грамматика одна и та же, она соответствует субстанции каждого языка и, следовательно, должна меняться от случая к случаю»³⁵.

В действительности между идеей Р. Бэкона, как и вообще всех последующих теоретиков универсальной грамматики, и причинами, лежащими в основе лингвистических универсалий, нет абсолютно никакой логической связи. Первоначально универсальная грамматика связывалась с универсальными семантическими категориями, лежащими в основе каждого человеческого языка. По своему внутреннему содержанию тезис Р. Бэкона ближе к современному тезису о единстве логического мышления у народов, говорящих на разных языках. Для объяснения универсалий более подходит теоретический принцип, сформулированный в свое время В. Д. Уитнеем: «Одинаковые причины вызывают одинаковые явления (букв.: „действия“) — такова аксиома языкознания и естествознания»³⁶.

Возвращаясь к тезису: «Несмотря на существование бесконечного множества различий, все языки построены по одной и той же модели», мы не можем не согласиться с Т. С. Шарадзенидзе, признающей невозможность создания единой типологической модели всех языков мира, поскольку разные критерии создают очень большое количество перекрещивающихся типологических классификаций³⁷.

4. О некоторых недостатках современных методов выявления лингвистических универсалий. а) *Априоризм*. Языковеды прошлого устанавливали диахронические и импликационные универсалии эмпирически, фиксируя их заметно высокую степень частотности или явную имплицативную связь между языковыми явлениями. Современные теоретики универсалий пытаются создать теорию лингвистических универсалий и особые методы их выявления.

Анализ причин, лежащих в основе лингвистических универсалий, приводит к выводу, что эти причины можно выявить, применяя самые обычные, традиционные методы исследования. Количество кардинальных проблем, решение которых необходимо для успешных поисков универсалий, также невелико. Необходимым признаком каждой универсалии является показательная частотность изоморфных явлений. Не менее важно установление имплицативной связи между явлениями, и, наконец, еще одна проблема состоит в обнаружении причин существования выявленной универсалии. По нашему глубокому убеждению, созданию особой методики выявления универсалий должна предшествовать огромная черновая

³⁴ Р. Якобсон, Значение лингвистических универсалий для языкознания, в кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2, М., 1965, стр. 383.

³⁵ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX—XX веков ..., стр. 384.

³⁶ W. D. Whitney, Die Sprachwissenschaft (W. D. Whitney's Vorlesungen über die Principien der vergleichenden Sprachforschung für das deutsche Publikum), Bearb. und erw. von J. Jolly, München, 1874, стр. 269.

³⁷ См.: Т. С. Шарадзенидзе, Language typology, synchrony and diachrony, в сб. «Theoretical problems of typology and the Northern Eurasian languages», Budapest, 1970, стр. 36.

работа в этой области, которую, основываясь на указанных трех принципах, следует произвести во всех сколько-нибудь известных языках мира. Только в процессе этой черновой работы может появиться необходимость в особых, специфических методах, которые со временем могли бы быть облечены в стройную теорию. В настоящее время не сделано и сотой доли того, что вообще предстоит сделать в этой области. Однако современные теории универсалий априорно уже определили, каким должен быть этот метод, рекомендуя начинать с установления подлинно научной типологии языков. Метод определения языковых типов при этом должен напоминать препарацию живых языков для целей машинного перевода. Для этого прежде всего следует установить язык-эталон, от которого отталкиваются при описании и характеристике различных языков. «Если имеется язык-эталон и известны правила перехода (соответствия) от него к характеризваемым языкам, то мы можем однозначно и последовательно описывать и характеризовать эти языки через данный язык-эталон»³⁸. Недаром одной из самых главных задач типологической классификации считается создание наиболее экономного способа кодирования информации о структуре языков мира³⁹. Таким образом, язык-эталон оказывается метаязыком по отношению к другим (характеризваемым) языкам: «...оптимальным языком-эталонem при типологическом сравнении окажется дедуктивно выведенный язык, имплицитно использующийся при данном сравнении...»⁴⁰. Разумеется, такой метаязык будет очищен от всего избыточного и противоречивого. Словом, это некий аналог языка-посредника при машинном переводе, метаязыка перевода, выступающего как промежуточная система, через сравнение с которым анализируются и описываются переводимые языки.

Язык-эталон при типологических исследованиях, как и метаязык перевода, должен обладать целой системой средств, он должен иметь и «трансформации перехода от языка-эталона к конкретным языкам»⁴¹, и отбор существенных для типологического сравнения признаков, и систему допущений, особую классификацию элементов языка и многое другое, необходимое для метаязыка. Неясным остается только одно: как он будет работать, насколько достаточна будет система отправных пунктов, представленная в таком искусственно созданном метаязыке, и каким образом при помощи этого языка будут типологически изучаться языки, являющие собой смешанные типы? Будет ли такой метод способствовать решению тех кардинальных проблем, о которых упоминалось выше?

Заранее можно сказать, что на эти вопросы не будет получено удовлетворительного ответа до тех пор, пока метаязык, эта своеобразная машина, выявляющая языковые типы, не разделит все языки и языковые явления на безукоризненные с точки зрения современной структурной лингвистики типы.

Совершенно очевидно, что в основе всех вышеохарактеризованных методических рекомендаций лежит не опыт поисков универсалий, но априорное стремление верифицировать истинность любого явления, истинность любого лингвистического суждения путем применения так называемого логического метаязыка. В этих рекомендациях отразился типичный для современного структурализма принцип рассматривать живые языки сквозь призму специально препарированного и предельно формализованного искусственного языка или кода.

³⁸ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 58.

³⁹ См., например: там же, стр. 17.

⁴⁰ Там же, стр. 59.

⁴¹ Там же, стр. 63.

б) *Пренебрежение к изучению причин лингвистических универсалий.* Многие современные исследователи ограничиваются только формулировками обнаруженных ими лингвистических универсалий, не вдаваясь в выяснение причин, обуславливающих их существование. Например, отмечается, что языки, различающие пары звонких — глухих, придыхательных — непридыхательных фонем, как правило, имеют также и фонему *h*. Однако при этом не объясняется, что обуславливает эту импликацию, почему *h* должна непременно существовать при указанных условиях. Правда, делается ссылка на то, что в тех группах индоевропейских языков, которые утратили архаичный *h*, не приобрета нового, аспираты смешались с соответствующими непридыхательными взрывными: ср., например, утрату различия между придыхательными и непридыхательными в славянских, балтийских, кельтских и тохарских языках, с одной стороны, и неодинаковую судьбу этих двух рядов в греческом и армянском, индийских и германских языках, с другой. Во всех этих последних некоторые из ротовых фонем рано перешли в *h*⁴². Однако утверждение о паличии в индоевропейском праязыке *h* малоубедительно. Замечено, что в различных языках мира наблюдается тенденция к устранению придыхательных согласных как более труднопроизносимых. Устранение придыхательных в славянских и балтийских языках могло быть результатом действия этой тенденции, которая могла проявляться и при отсутствии в индоевропейском праязыке фонемы *h*. Кроме того, известно, что обычным путем эту фонему никому из индоевропейцев реконструировать не удалось.

Дж. Гринберг приводит универсалию: «Если в языке глагол следует за именным субъектом и именным объектом и такой порядок является доминирующим, то язык почти всегда имеет падежную систему»⁴³, не вдаваясь в вопрос, чем обусловлено это явление. Между тем здесь может быть предложено следующее объяснение. Конечное положение глагола наиболее типично для языков агглютинативного строя, имеющих послелоги. Для языков с послелогоми смена синтетической падежной системы системой аналитических образований более затруднена, в частности, и потому, что послелоги сами часто принимают падежные окончания, тем самым поддерживая систему синтетических падежей.

Пренебрежение к объяснению причин универсалий может привести к формулировке ложных универсалий. Так, в основе универсалий: «Если глагол имеет категории лица и числа или если он имеет категорию рода, то он обязательно должен иметь и категории времени и наклонения»⁴⁴, — лежит как будто бы тривиальная истина: если в языке есть глагол, то у него должно быть минимально хотя бы два наклонения — изъявительное и повелительное. Чаще всего глагол имеет к тому же и категорию лица и числа. Однако между такими категориями, как лицо, число, род, время и наклонение, нет необходимой имплицативной связи. Наличие наклонения абсолютно никак не зависит от факта существования рода. Эти две категории друг друга не обуславливают. Касаясь другой универсалии: «Если язык имеет категорию рода, то он обязательно имеет и категорию числа»⁴⁵, также нельзя найти никакой причинной связи между названными явлениями: наличие категории рода не обуславливает категорию числа.

Иногда утверждают, что понятие импликации не обязательно предполагает наличие причинной связи между двумя явлениями. Разберем один такой пример. Часто можно наблюдать, что в языках, имеющих сингармонизм (или гармонию гласных), глагол занимает конечную позицию

⁴² См.: Р. Якобсон, Типологические исследования ..., стр. 103.

⁴³ Дж. Гринберг, Некоторые грамматические универсалии ..., стр. 162.

⁴⁴ Там же, стр. 138.

⁴⁵ Там же, стр. 140.

в предложении. Само собой разумеется, что ни сингармонизм не обуславливает конечную позицию глагола, ни конечная позиция глагола — сингармонизм. В конечном счете, однако, существование этих двух явлений объясняется некоторыми особенностями языков агглютинативного строя. Таким образом, грань между универсалией и случайностью устраняется только в том случае, когда универсалия получает причинное объяснение.

в) *Механицизм в формулировках импликационных универсалий*. Отдельные теоретики универсалий, формулируя импликационные универсалии, часто забывают, что устанавливаемая ими импликация, будучи действенной в одних языках, совершенно лишена действенности в других. Это касается, например, универсалии: «В языках с предлогами генитив почти всегда следует за управляющим существительным, тогда как в языках с послелогами он почти всегда предшествует ему»⁴⁶.

В балтийских языках известны только предлоги (послелогов нет), но тем не менее родительный падеж обычно предшествует управляющему существительному. В чем причина этой аномалии? В языках агглютинативного типа, например, тюркских, препозиция родительного падежа находится в тесной причинной связи с особенностями агглютинативного строя этих языков и диктуется последовательно проводимым законом порядка слов «определение + определяемое». Послеложные конструкции изоморфны изафетным конструкциям — в них «определение» также предшествует «определяемому», ср. татар. *пролетариат диктатурасы* «диктатура пролетариата» и *таулар арасында* «среди гор» (букв.: «гор в промежутке»). В балтийских языках препозиция родительного падежа органически не связана со строем языка. Она возникла или под влиянием субстратных угро-финских языков или в результате механического обобщения отдельных случаев препозиции родительного падежа.

Имея в виду другую универсалию: «Если относительное предложение в каком-то языке предшествует имени существительному как единственная конструкция или альтернативная, то в таком случае или этот язык является языком с послелогами, или прилагательное в данном языке предшествует имени существительному, или то и другое вместе»⁴⁷, — можно сослаться на целый ряд угро-финских языков, как, например, пермские, мордовский и прибалтийско-финские, в которых относительные предложения по европейскому образцу вводятся специальными относительными местоимениями и следуют за именем существительным, однако все эти языки имеют послелоги, а не предлоги. В чем здесь дело? Можно предполагать, что некогда в этих языках существовали причастные конструкции, семантические аналоги относительных придаточных предложений, которые действительно предшествовали имени существительному, как это имеет обычно место в агглютинативных языках. С течением времени под влиянием индоевропейских языков в этих языках возникли относительные придаточные предложения типа европейских, и имплицативная связь была нейтрализована. Теоретики универсалий обычно относят подобные языки к исключениям.

Отсюда следует вывод, что при формулировке импликационных универсалий необходимо особо указывать на условия, при которых данная импликация действует.

г) *Ограничение поисков универсалий синхроническим планом языка*. Преимущественное внимание структурной лингвистики к исследованиям в плане синхронии оказало влияние и на разработку проблемы универса-

⁴⁶ Там же, стр. 120.

⁴⁷ Там же, стр. 135.

лий. Диахронические универсалии изучаются слабо, несмотря на наличие солидного опыта, накопленного сравнительно-историческим языкознанием. Этот опыт даже не обобщается. Около 95 % установленных в последние годы универсалий относятся к плану синхронии. Уже указывалось, что эти универсалии представляют собой тривиальные заявления и дают очень мало информации о структурных особенностях языков мира ⁴⁸. По-видимому, возможности открытия новых универсалий в плане синхронной структуры языков не особенно велики, если учесть способ их изучения через призму некоего искусственного метаязыка.

5. О значении универсалий для лингвистических исследований. Теоретики универсалий обычно очень высоко оценивают значение типологических методов, оперирующих универсалиями: «...зная типологические соотношения, исследователь по некоторым закономерностям может восстановить целую систему» ⁴⁹. Точно такого же мнения придерживается Ю. С. Степанов, который сравнивает метод установления импликационных универсалий с методом известного французского естествоиспытателя Ж. Кювье. Кювье рассматривал организм как замкнутую систему, основанную на законе соотношения (корреляции) органов. Согласно этому закону, каждая часть организма соответствует другим его частям в отношении своего строения и функций, и по наличию одного из признаков можно безошибочно заключить о наличии другого. Основные положения Кювье, устанавливающие общность и взаимозависимость органов в едином целом — организме, имеют одну логическую структуру, называемую импликацией. То, как ставится вопрос об универсалиях в современном языкознании, очень напоминает импликацию Ж. Кювье ⁵⁰.

Следует, однако, отметить, что между импликациями, установленными Кювье, и лингвистическими импликациями при всем их несомненном сходстве существуют и значительные различия. Импликации, установленные для животного мира, в значительно большей степени взаимообусловлены и в большей степени устойчивы во времени. Лингвистические импликации менее взаимообусловлены и в большей степени изменчивы. Так, животное, обладающее режущими зубами, обязательно хищное. Трудно представить себе зубную систему хищника, которая наряду с клыками содержала бы коренные растирающие зубы, — такое животное, вероятнее всего, очень скоро погибло бы. В языках же возможно смешение различных типологических признаков. Если установить импликативные связи всех наиболее характерных типологических признаков агглютинативного строя языков и сделать затем определенные логические выводы, то придется признать, что в агглютинативных языках не должно быть таких явлений, как префиксы, сильное развитие дифтонгов, чередование гласных, предлоги, развитая система союзов, свободный порядок слов, придаточные предложения индоевропейского типа и т. д. Однако можно привести целый ряд фактов, которые плохо вяжутся с таким заключением. Например, в саамском языке довольно сильно развит аблаут; в венгерском, эстонском и мансийском имеются глагольные приставки; в финском языке очень сильно развиты дифтонги; в гагаузском языке глагол может занимать в предложении начальное положение; в прибалтийско-финских, пермских и мордовском языках имеются придаточные предложения европейского типа и довольно развитая система союзов, и т. д.

Контактирование языков различных морфологических типов часто приводит к смешению различных типологических признаков. Вряд ли

⁴⁸ Т. S. S h a r a d z e n i d z e, указ. соч., стр. 35.

⁴⁹ См., например, Б. А. У с п е н с к и й, Структурная типология языков, стр. 18.

⁵⁰ См.: Ю. С. С т е п а н о в, Основы языкознания, М., 1966, стр. 134, 135.

кто из современных семитологов будет отрицать общность происхождения амхарского, арабского, сирийского, древнееврейского и финикийского языков. Между тем современный амхарский язык, испытавший сильное влияние кушитских языков, имеет такие типологические черты, которые имплицитивно никак не сочетаются с типологическими особенностями языков чистого семитского типа: «В результате взаимодействия амхарского языка с кушитскими в нем произошли значительные изменения. Для фонетического строя стало характерным обилие переднеязычных; вследствие исчезновения ларингальных большое количество трехсложных корней превратилось в двухсложные. В морфологии, помимо увеличения числа сложных глагольных форм с участием вспомогательных глаголов, произошли изменения в словопроизводстве: словопроизводство путем внутренней флексии, типичное для семитских языков, занимает второстепенное место, уступая чисто суффиксальному способу словообразования. Очевидно, в амхарском языке отмирает грамматический род, однако этот процесс еще не закончился. Образование множественного числа производится часто агглютинативным способом — присоединением к корню слова определенного суффикса, в то время как для других семитских языков (например, эфиопского, арабского, древнееврейского) характерно внутрифлексивное образование множественного числа. Наиболее радикальные изменения произошли в области синтаксиса и лексики. В синтаксисе амхарского языка по сравнению с классическими семитскими языками полностью изменился порядок слов: все дополняющее ставится перед дополняемым; глагол (сказуемое) находится в конце предложения, придаточное предложение находится перед главным»⁵¹.

Подобное смешение типологических признаков облегчается тем, что возможность выражения определенных значений в языке является несравненно более важной, чем форма выражения того или иного значения. В финском языке, для которого характерны послелогои, наряду с ними существуют и предлоги (например: *ennen häntä* «раньше его», *ilman tätä* «без этого», *päitsi vinoa* «кроме водки» и т. д.). Появление предлогов не нанесло, однако, абсолютно никакого ущерба системе коммуникативных средств финского языка, поскольку предлоги так же хорошо выражают те функции, которые в агглютинативных языках обычно выражаются послелогами.

«В результате типологических исследований, — заявляет Б. А. Успенский, — мы можем говорить о каких-то чертах, которые присутствуют во всех языках или, напротив, вообще не могут встречаться в языке...»⁵². Этот тезис применим, в основном, к языкам, представляющим чистые типы, но он мало пригоден для языков смешанного типа, поскольку в языках смешанного типа многие имплицитивные связи нейтрализуются. Крайне затруднено установление универсалий в области лексики. Кроме того, применение метода универсалий имеет определенные ограничения. Между тем, при помощи импликационных универсалий можно, например, установить, что уральский праязык был агглютинативным, но невозможно, в частности, определить, сколько в нем было глагольных времен или местных падежей.

Имея в виду вышесказанное, все же нужно признать ту значительную пользу, которую могут принести универсалии для сравнительно-исторических исследований. В ряде случаев универсалии дают возможность установить, насколько правомерны выдвигаемые гипотезы. Среди тюркологов существует давний спор о том, является ли чувашск. *г*, соответствующий

⁵¹ Н. В. Юшманов, Амхарский язык, М., 1959, стр. 9.

⁵² Б. А. Успенский, Структурная типология, стр. 10—11.

звуку *z* в других тюркских языках, первичным или вторичным. По нашему мнению, правы те тюркологи, которые считают первичным *z*: так называемый ротацизм *z* встречается в истории различных языков сравнительно часто, тогда как случаи обратного перехода или крайне редки, или вообще невозможны. А. М. Шербак предполагает, что в тюркском праязыке некогда существовал глухой межзубный спирант *ʈ*, который в отдельных тюркских языках мог превращаться в *d'*, *ʒ*, *č*, *j*, *š*, *s*, ср. общетюрк. *ʈoq* «нет», алт. *d'oq*, казах. *ʒoq*, тув. *čoq*, туркм. *jōq*, чуваш. *šuk*, якут. *siох* ⁵³. Постулируемый переход, однако, не подтверждается диахронической универсалией. Более вероятна гипотеза, предполагающая в этих словах наличие начального *j*, который позднее в отдельных языках мог давать рефлекс типа *ʒ*, *d* и их варианты *č* и *š*. Превращение начального *j* в аффрикаты наблюдается в истории различных языков довольно часто.

Некоторые ученые выдвинули гипотезу о былом существовании в индоевропейских языках эргативного строя ⁵⁴. Неубедительность этой гипотезы может быть доказана тем, что для эпохи индоевропейского праязыка довольно хорошо реконструируется винительный падеж, который для эргативной конструкции не является типичным.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть развиваемую в начале данной статьи мысль о необходимости исключения абсолютно универсальных явлений в языке из определения лингвистических универсалий. Абсолютные универсальные свойства сами по себе еще не создают никакой типологии, поскольку само понятие всеобщей универсальности исключает понятие типовой вариативности. Так, утверждение: «Во всяком языке есть гласные и согласные» не позволяет выделить какие-либо типы. Даже закономерные способы выражения понятийных категорий в различных языках мира могут быть выявлены только путем изучения типологических импликационных универсалий. Лингвистические универсалии, выражающие «самые различные типы языкового единообразия», являются сугубо типологическими понятиями. Поэтому их изучение имеет большое теоретическое значение.

⁵³ А. М. Ш е р б а к, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 159.

⁵⁴ См., например: Х. К. У л е н б е к, Agents и Patients в падежной системе индоевропейских языков, сб. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950.